

Глава пятнадцатая: Логово дракона и тигра, и замысел Запечатывания Богов

Старая усадьба семьи Су расположилась в глубине полуразведанных зеленых гор на окраине города. Круглый год это место окутывали густые туманы, сквозь которые то и дело проступали белые стены и серые черепичные крыши, затерянные среди изумрудной листвы, словно сошедшие с древнего, передаваемого веками свитка туманной живописи. С точки зрения обычного смертного, это, несомненно, была уединенная роскошная обитель для очищения души и отрешения от мирской суеты; но в глазах Хань Тяньюнь, которая уже ступила на Стадию Чувствования Ци и обладала Зрением Шахматной Доски, каждый дюйм здешней земли источал тошнотворную гниль и убийственный замысел.

Два уважаемых гостя, прошу. В скромном жилище семьи Су уже давно не бывали столь выдающиеся особы, ваше присутствие поистине озаряет наш дом светом. — Су Даньчжоу вел их впереди, и на его изначальном, суровом и смертоносном старом лице сейчас играла какая-то на редкость доброжелательная и угодливая улыбка, от столь резкого контраста по спине пробегали мурашки.

Стоило лишь переступить багровые лакированные деревянные ворота, как Хань Тяньюнь ощутила резкую неестественность.

На первый взгляд усадьба во всем демонстрировала основательность старинного аристократического рода. Извилистые глубокие коридоры, во дворах высажены духовные растения, давно исчезнувшие в мире смертных; служанки облачены в скроенные по фигуре скромные платья ципао, их взгляд устремлен прямо перед собой, а каждый шаг выглядит настолько размеренным и элегантным, будто его длина выверена с математической точностью. Чай, поданный управляющим, испускал легкий белый пар — это был отборнейший духовный чай, заваренный на воде из тысячелетнего духовного источника, и стоило лишь слегка вдохнуть его аромат, как тело ощущало циркуляцию слабой, но чистейшей духовной ци.

Однако, когда Хань Тяньюнь незаметно активировала Зрение Шахматной Доски, все эти изысканные украшения и учтивые манеры в мгновение ока рассыпались, словно иллюзия.

В ее глазах каждая на вид драгоценная красная деревянная колонна была оплетена скрытыми узорами массивов, похожими на темно-красные кровеносные сосуды — то были запретные массивы, и стоило хозяину отдать один единственный мысленный приказ, как вся галерея превратилась бы в мясорубку. Каждая голубая каменная плита под ее ногами, гладкая и округлая с виду, на самом деле таила в себе скрытые рупы запирания душ, способные в мгновение ока заморозить саму душу, гарантируя, что ни одна жертва не сможет сбежать с этой земли.

Больше всего ее пугало то, что потоки духовной энергии в усадьбе были крайне хаотичными. Духовная жила этой горы не была естественным ключом — ее насильственно направляли и вытягивали с помощью какой-то чудовищно злобной силы, после чего вся она безумным потоком устремлялась к окутанной мраком запретной зоне в глубине усадьбы.

Сестрица, перестань смотреть. Если этот мир до конца рассмотреть, он потеряет всю свою красоту. — Цзю Сяньлин легко потянул Хань Тяньюнь за ледяную руку. Голос его был тихоньким, в уголках рта застыла беззаботная, ни о чем не заботящаяся улыбка, у него даже нашлось настроение с любопытством разглядывать каменные изваяния по обочинам дороги.

Но когда он наклонился к самому уху Хань Тяньюнь, его тон стал холодным, словно лезвие ножа: Раз уж хозяйева столь любезны и выставили напоказ даже припасенные на черный день прощальные дары, нам остается лишь как следует насладиться этим последним ужином.

В груди у Хань Тяньюнь сжалось, а кончики пальцев едва заметно задрожали. В глубине озорных с виду глаз Цзю Сяньлин она прочитала решимость и безумие. Это было путешествие в логово тигра по собственной воле, когда заранее знаешь всю опасность: они здесь гости, но еще больше — лакомая жирная добыча, на которую с вожделием поглядывают эти голодные волки из семьи Су.

В то же время в самом сердце старой усадьбы Су, в подземной тайной комнате, напрочь отрешенной от земной роскоши, царила совсем иная атмосфера.

Стены здесь были влажными, тусклые огоньки масляных светильников покачивались, не было ни духовных источников, ни служанок — лишь мощная аура, накатывавшая волна за волной, подобно морскому прибою. Три ключевые фигуры, в чьих руках сосредоточилась вся власть в семье Су, сидели вокруг массивного стола из черного камня, и на лицах каждого запечатлелся холодный расчет.

Су Даньчжоу! Ты совсем выжил из ума?! Или возомнил себя настолько могущественным, что можешь пренебрегать безопасностью всего рода?!

Су Бэйлин резко вскочила из-за стола, и ее мощная аура на средней ступени Просветления Духа бурей пронеслась по комнате, заставив масляные лампы на нишах стен отчаянно затрепетать, а язычки пламени чуть не погасли. Тыча пальцем прямо в нос Су Даньчжоу, она яростно закричала: Как ты посмел привести в родовое гнездо этих двоих с сомнительным прошлым и странным происхождением? А вдруг этот соплук лишь притворяется слабым, а на деле выжидает время, чтобы восстановить силы в стенах усадьбы, или эта женщина снова сорвется и растревжит Небесный Путь? Ты хочешь, чтобы тысячелетнее наследие семьи Су обратилось в прах по твоей милости?!

Бэйлин, к чему эта спешка? Тебе уже не первый век, а нрав все такой же несдержанный.

Сидевший на главном месте Су Нин неторопливо взмахнул рукой, призывая Су Бэйлин сесть. Су Нин был истинной опорой семьи Су, его лицо оставалось спокойным, как стоячая вода, и даже тронута легкой, непостижимой улыбкой. Его глубокие глаза смотрели на Су Даньчжоу со смесью придирчивости и ожидания: Раз уж Даньчжоу рискнул привести людей сюда, значит, у него есть на то веские причины. Даньчжоу, изложи свой план, не позволяй сородичам разочароваться в тебе.

Су Даньчжоу легко улыбнулся, и его иссохшее, покрытое морщинами лицо в тусклом свете очага показалось пугающе зловещим, словно выползший из преисподней злой дух.

Вы двое, неужели вы до сих пор не поняли? Тот парененок, что именует себя наследником Небесного Императора, обладает совершенно уникальным телосложением. — Су Даньчжоу понизил голос, и в его тоне прозвучало искаженное возбуждение. — Он способен напрямую поглощать бурные Сущности Бессмертных Персиков, с которыми мы совладать не в силах. Он не просто человек, он — живой преобразователь, преодолевший границы миров.

Он поднялся с места и медленно зашагал по тайной комнате, а его слова гулко отдавались в замкнутом пространстве:

Я намерен заставить его впитать все двадцать четыре сущности из сокровищницы. И когда он с помощью своего загадочного тела преобразует дикую бессмертную силу в мягкий, доступный для восприятия смертными первоисточник, я активирую скрытый на протяжении тысячелетий запретный массив семьи Су — массив Запечатывания Богов и Очищения Бессмертных.

Стоило ему произнести эти слова, как Су Бэйлин и Су Нин одновременно затаили дыхание, а их зрачки сузились до размеров игольного ушка.

Ты хочешь... сотворить человеческую пилюлю? — В глазах Су Нина промелькнуло предельно сложное, странное выражение. То была запредельная жадность перед властью, превосходящей привычные ступени, но в то же время и глубокий страх перед амбициями Су Даньчжоу.

Верно. И дело не только в очищении его плоти — я хочу использовать мощь Сердца Массива, чтобы связаться с Небесным Путем и в момент плавки насильственно похитить его удачу и судьбу Сына Императора. — Су Даньчжоу протянул обе руки, словно уже держал в ладонях весь небесный свод. — Если все удастся, эта пилюля, впитавшая судьбу Сына Императора и эссенцию двадцати четырех бессмертных персиков, позволит кому-то из нашей семьи мгновенно шагнуть на Стадию Погони за Бессмертием и даже замахнуться на легендарную Стадию Освобождения от Бренности! И тогда — к черту смертные законы, к черту правила Небесного Пути, разве не семья Су станет решать судьбу всего мира?

Су Бэйлин слушала с замиранием сердца, ее прежний гнев испарился без следа, уступив место льстивому и полному предвкушения выражению лица: Даньчжоу, все-таки у тебя хватает и смелости, и ума! Если это и впрямь удастся, род Су сможет вечно стоять непобедимым, и даже до открытия врат бессмертного мира мы станем богами этого смертного мира!

В тот момент, когда троица из семьи Су погрузилась в грезы о вершине власти, массивную дверь из черного железа, испещренную защитными массивами и способную выдержать полный удар мастера Консолидации Ядра в поздней фазе, кто-то тихонько толкнул в щель парой рук в черных кожаных перчатках.

Ошеломляющая, давящая, почти осязаемая ужасающая аура мгновенно пронеслась по всей тайной комнате. В этот миг температура в помещении упала до точки замерзания, и дыхание

трех могущественных мастеров семьи Су в одну секунду стало невероятно тяжелым.

Ха-ха-ха! Какой великолепный план у уважаемых старейшин семьи Су, Янь прямо-таки заслушался до горячки в крови, даже захотелось тут же сложить какое-нибудь стихотворение. Скажите, удостоюсь ли я чести тоже урвать малую толику от этой пилюли, способной перешагнуть бранный мир?

Мужчина в длинном черном плаще медленно переступил порог. На вид ему едва исполнилось тридцать с небольшим, черты лица резкие, взгляд острый, как у ястреба, а вокруг него клубилась та самая надменная аура, ставящая владельца выше всех живых существ — это была ранняя стадия Погони за Бессмертием, жуткое давление того, кто действительно коснулся порога бессмертного пути.

Глава организации Темный Ворон, Янь Цзицзэ.

Лица присутствующих членов семьи Су вмиг побелели, а Су Даньчжоу почувствовал, как ледяная волна от самых пят ударила ему в макушку. Хотя он и был влиятельным героем в смертном мире, перед лицом этого окутанного легендами и пронизывающего все сферы влияния мастера Стадии Погони за Бессмертием он по-прежнему оставался ничтожным, словно муравей.

Янь... Уважаемый Темный Владыка. Добро пожаловать, семья Су не смогла встретить вас как подобает. — Су Нин опомнился первым, напустив на себя подобострастную улыбку и шагнув вперед, его тон граничил с угодничеством. — Уважаемый Темный Владыка шутит, даже если бы вы не пришли сейчас, в составленном нами плане для вашей доли непременно нашлось бы место. В конце концов, без информации и блокады Темного Ворона мы бы ни за что не поймали эту крупную рыбу.

Янь Цзицзэ расхохотался и с избыточной, агрессивной силой хлопнул Су Нина по плечу. Удар был настолько тяжелым, что лицо мастера поздней фазы Просветления Духа на миг потеряло краски, а каменные плиты под его ногами пошли мелкими трещинами.

Ничего страшного, если бы и забыли, только вот я человек такой — не слишком-то верю обещаниям, больше люблю сам забирать то, что мне принадлежит. — Взгляд Янь Цзицзэ скользнул по Су Даньчжоу так, будто пытался прожечь его душу насквозь. — Я с нетерпением жду этого представления с Запечатыванием Богов и Очищением Бессмертных. В конце концов... нет в этом мире ничего вкуснее Сердца Массива и судьбы Сына Императора. Старик Су, я прав?

Су Даньчжоу облился холодным потом, его сердце потрясенно колотилось. Этот Янь Цзицзэ и вправду давным-давно раскусил истинную личность Цзю Сяньлин и Хань Тяньюнь! В этой игре семья Су вовсе не была игроком, истинным рыбаком, затаившимся в тени ради финального улова, оставался Янь Цзицзэ.

Гостевые покои, приготовленные семьей Су для Цзю Сяньлин и его спутницы, отличались

предельной роскошью: пол был застелен шкурами снежных лисиц с самого Крайнего Севера, а в курильнице тлела благовонная серая амбра, способная помогать медитации и стоившая целое состояние за каждую унцию.

Однако Хань Тяньюнь была вовсе не настроена наслаждаться этим комфортом. Словно перепуганная лань, она в тревоге мерила шаги из угла в угол. В ее поле зрения узоры массивов, спрятанные в стенах, коврах и потолке, медленно вращались, издавая слышимый лишь ей одной низкочастотный гул — словно какой-то древний дикий зверь исподволь развергал пасть, полную острых клыков, в ожидании добычи.

Сяньлин, мы не можем здесь оставаться. Это совсем не похоже на гостеприимство, это ловушка, расставленная на нас! — Хань Тяньюнь остановилась у кровати, ее голос слегка охрип от страха. — Взгляды этих людей из семьи Су неправильные, когда они смотрят на тебя, в их глазах светится вовсе не уважение к гостям, а...

Будто смотрят на дичь, верно? Или, если точнее, на партию высококлассных пилюль, которые вот-вот будут готовы.

Цзю Сяньлин преспокойно лежал на мягком шелковом покрывале, закинув руки за голову. На его детском лице не осталось и следа озорства и баловства, какие он выказывал в детском саду, их сменило какое-то чужое, пугающе глубокое и непостижимое спокойствие. Он посмотрел на один из скрытых узловых массивов на потолке и вдруг тихонько усмехнулся.

Его улыбка отдавала холодом и лукавством, и в клубящемся дыму амбры это выглядело жутковато.

Сестрица, не переживай. Они считают меня преобразователем, полагают, что я гожусь лишь в качестве лекарственного сырья для перегонки их бессмертной силы. Они изо всех сил подсовывают мне эти эссенции, надеясь откормить меня двадцатью четырьмя предметами, а когда сила в моем теле достигнет предела, бросить меня в котел и сварить пилюлю, которая позволит им вознестись.

Хань Тяньюнь замерла на месте, и волна холода поползла вдоль позвоночника, заставив волосы на голове встать дыбом: Ты... ты все это знал? Знал, что они собираются тебя переплавить, и все равно согласился вернуться с ними?

С того самого момента, как Су Даньчжоу предложил объединить усилия на игровой площадке, я уже догадался обо всем.

Цзю Сяньлин приподнялся, и в его некогда ясных глазах теперь вспыхивали безумные и горделивые золотые искры. То было ослепительное сияние истинного Сына Императора, законного наследника Земель Бессмертных Десяти Тысяч Сект.

Эти смертные букашки прожили по несколько сотен лет и возомнили, будто способны

просчитать волю небес. Они не знают лишь одного — там, наверху, в Землях Бессмертных Десяти Тысяч Сект, всегда лишь этот молодой господин превращал кого-то в пилюли, и в этом мире еще не родился тот, кто посмел бы зариться на мою судьбу.

Он протянул тонкие пальцы и плавно очертил в воздухе изящную дугу, движением напоминая музыканта, перебирающего струны судьбы.

Эти двадцать четыре эссенции будут моими. Тысячелетняя удача семьи Су — тоже моя. Раз уж они хотят сыграть по-крупному, желая использовать эту гору и эту старую усадьбу в качестве плавильного котла... что ж, я подыграю их желанию. Я сделаю так, чтобы эта гордость семьи Су превратилась в выкопанную их же собственными руками могилу.

Цзю Сяньлин повернул голову и подмигнул Хань Тяньюнь. В мерцающем свете ламп эта улыбка таила в себе безумие и уверенность, способные заставить дрожать демонов и божеств.

Сестрица, ты готова? В этой партии мы не просто сделаем ход, мы на их глазах сорвем эту доску к чертям.

<http://bllate.org/book/22038/2291301>